

Джо
АБЕРКРОМБИ

ПЕРВЫЙ ЗАКОН
ТРИЛОГИЯ

Кровь и железо

Прежде чем их повесят

Последний довод королей

Москва
2020

УДК 821.111-312.9
ББК 884(4Вел)-44
А14

Joe Abercrombie
THE FIRST LAW. BOOK ONE: THE BLADE ITSELF

Copyright © 2006 by Joe Abercrombie

The First Law. Book two: Before They Are Hanged
Copyright © 2008 by Joe Abercrombie

The First Law. Book three: Last Argument of Kings
Copyright © 2008 by Joe Abercrombie

First published by Gollancz, a division of
The Orion Publishing Group Ltd., London

Дизайн серии *Ильи Саукова*

Оформление *Владимира Безкровного*

Иллюстрация *Андрея Васильченко*

*Четырем читателям –
вы знаете, кто вы*

Аберкромби, Джо.

А14 Первый закон : трилогия / Джо Аберкромби ; [перевод с английского В. Иванова, О. Орловой, А. Питчер, Н. Абдуллина]. – Москва : Эксмо, 2020. – 1280 с. – (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-04-111837-2

Полное издание трилогии «Первый закон» легенды фэнтези Джо Аберкромби.

Наступают темные времена для Инглии. Король болен. На севере поднимается восстание лидер варваров Бетод. На юге угрожает древний враг Союза – империя гурков. За всеми событиями скрываются заговоры и выются интриги.

Роковой поворот колеса фортуны сводит Первого Мага Байяза, бесстрашного варвара Логена Девять Смертей и изнеженного аристократа Джебзеля дан Луфара – им предстоит опаснейшее путешествие на край Земного Круга. Каким образом с ними связан хромой калека-инквизитор Глокта? Как их выбор скажется на судьбе Союза? Что есть Первый Закон Магии?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2020
© О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111837-2

КРОВЬ
И ЖЕЛЕЗО

КОНЕЦ

Логен пробирался между деревьями, его босые ноги оскальзывались и проезжали по влажной земле, по грязи, по мокрым сосновым иглам; дыхание kloкотало в груди, кровь гулко стучала в висках. Потом он споткнулся и растянулся на боку, едва не раскроив грудную клетку собственной секирой. Некоторое время он лежал, тяжело дыша и всматриваясь в сумрачный лес.

Ищейка был рядом еще минуту назад, это точно, однако теперь куда-то пропал. Про остальных Логен вообще ничего не мог сказать. Ну и вождь: вот так растерять своих людей! Возможно, стоило повернуть назад, но шанка шныряли повсюду. Он ощущал, как они движутся среди деревьев, чуял их запах. Слева раздались какие-то крики — похоже, там шла драка. Он медленно и осторожно поднялся на ноги, стараясь не шуметь. Рядом хрустнул сучок, и Логен мгновенно развернулся.

На него надвигалось копьё — безжалостно и очень быстро. На другом конце копьё находился шанка.

— Дерьмо! — выругался Логен.

Он бросился в сторону, оступись, упал вниз лицом и покатился вбок, ломая кустарник. В любой момент он ожидал удара копьём в спину. Тяжело дыша, вскочил на ноги, вновь увидел, как стремительно приближается сверкающее острие, увернулся и укрылся за толстым стволом дерева. Как только попытался выглянуть — плоскоголовый зашипел и ткнул в него копьём. Тогда Логен на миг показался с другой стороны и сразу же нырнул обратно за ствол, а потом выпрыгнул из-за дерева и с размаху, с оглушительным ревом опустил секиру. Раздался громкий треск: лезвие глубоко врубилось в череп шанка. Чистое везение. Однако Логен считал, что заслужил немного везения.

Плоскоголовый постоял, недоуменно моргая. Потом зашатался из стороны в сторону, по лицу его струилась кровь. А потом рухнул камнем на землю, выдернув секиру из пальцев Логена, и забился в конвульсиях у его ног. Логен попытался ухватить свое оружие за рукоять, но шанка не выпускал из рук копьё, беспорядочно рассекая им воздух.

— А! — выдохнул Логен, когда копьё вырвало кусок кожи из его руки.

На лицо его упала тень: еще один плоскоголовый. Огромная тварь, и уже в прыжке, с протянутыми руками. Нет времени, чтобы добраться до секиры.

Нет времени, чтобы уклониться. Логен открыл рот, но не успел ничего сказать. Да и что скажешь в такую минуту?

Они вместе рухнули на влажную землю и покатались по грязи, колючкам, сломанным сучьям. Они рвали и молотили друг друга, издавая рычание. Логен ударился головой о древесный корень — так сильно, что зазвенело в ушах. У него был нож, но он не мог вспомнить где. Они катились все дальше и дальше, вниз по склону, мир вокруг вращался, голова Логена гудела после удара, а он пытался задушить здорового плоскоголового. Это длилось бесконечно.

А ведь затея казалась такой разумной: разбить лагерь возле ущелья, и можно не опасаться, что кто-то подкрадется сзади. Теперь, когда Логен скользил на брюхе к краю обрыва, эта идея потеряла большую часть привлекательности. Его пальцы скребли сырую почву — одна грязь да бурая сосновая хвоя. Он продолжал цепляться, но хватал лишь пустоту. Потом он сорвался. Из горла вырвался слабый стон.

Его ладони сомкнулись на чем-то: корень дерева, торчащий из земли на самом краю ущелья. Логен охнул и закачался в воздухе, но не разжал рук.

— Ха! — вскричал он. — Ха!

Он жив! Горстки плоскоголовых мало, чтобы покончить с Логеном Деятипалым! Он принялся подтягивать свое тело наверх, на вершину обрыва, но почему-то не мог сделать этого. На его ногах висел какой-то тяжелый груз. Он глянул вниз.

Ущелье было очень глубоким, с отвесными каменистыми стенами. То там, то здесь из трещин тянулись вверх одинокие деревья, раскидывая кроны в воздухе. Далеко внизу текла быстрая речка — белый пенный поток, окаймленный зубцами черных камней. Все это не сулило ничего хорошего, но настоящая проблема располагалась ближе, прямо под рукой: здоровенный шанка не отстал от Логена. Он тихо покачивался взад-вперед, крепко вцепившись грязными руками в его левую лодыжку.

— Дерьмо, — пробормотал Логен.

В хорошенькую переделку он попал! Ему случалось выходить живым из самых плохих ситуаций, а потом петь об этом песни, но трудно себе представить что-нибудь хуже теперешнего положения. Это заставило Логена задуматься о своей жизни, и она показалась ему горькой и бесцельной. Она никому не принесла ничего хорошего. Только насилие и боль, а между ними — разочарования и житейские тяготы...

Руки уже начали уставать, предплечья горели. Огромный плоскоголовый, судя по всему, не собирался выпускать его. Наоборот, он понемногу взбирался вверх по Логеновой ноге. Шанка поднял голову, уставившись на врага горящим взглядом.

Если бы это Логен цеплялся за ногу шанка, он бы, скорее всего, думал так: «Моя жизнь зависит от ноги, на которой я повис, так что лучше не рисковать». Человек предпочтет собственное спасение убийству врага. Но шанка мыслит иначе. Логен знал это и не слишком удивился, когда плоскоголовый открыл свой огромный рот и вонзил зубы в голень противника.

— А-а-а! — завопил Логен.

Он сильно, как только мог, лягнул шанка босой пяткой, целясь в кровавую рану на голове, но тварь не разжала зубы. Чем отчаяннее Логен дергался, тем

дальше руки его соскальзывали с покрытого грязью корня на краю обрыва. Вскоре пальцам стало почти не за что держаться, а оставшаяся часть растения могла переломиться в любую секунду. Логен старался не думать о боли в ладонях и предплечьях, о вонзившихся в ляжку зубах. Сейчас он упадет. Оставался единственный выбор — между падением на камни и падением в воду, и этот выбор почти не зависел от Логена.

Когда перед тобой стоит задача, лучше сразу браться за нее, чем жить в страхе перед ней, — так сказал бы его отец. Логен покрепче уперся свободной ногой в стенку обрыва, сделал последний глубокий вдох и швырнул себя в пустоту со всей силой, какая в нем еще оставалась. Он почувствовал, что зубы шанка отпустили его ногу, а затем разжались цеплявшиеся пальцы, и на миг ощутил свободу.

А потом он стал падать. Быстро. Мимо пронеслись стены ущелья: серый камень, зеленый мох, клочки белого снега. Все вертелось и кружилось.

Он перевернулся в воздухе, бесцельно молотя руками и ногами, слишком испуганный, чтобы кричать. Ветер хлестал в глаза, рвал одежду, мешал дышать. Логен видел, как огромный шанка ударился о стену ущелья, как тело врага переломилось, отскочило от камня и улетело вниз — теперь уже бездыханное. Зрелище было приятным, но удовлетворение длилось недолго.

Вода поднялась навстречу Логену. Она ударила его в бок, словно нападающий бык, выбила воздух из легких, сознание из головы и втянула в себя, вниз, в холодную тьму.

Часть I

Кровью тогда сватовство
и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо.

Гомер

ВЫЖИВШИЕ

Плеск воды — первое, что он услышал. Плеск воды, шорох листьев, шелканье и щебет птицы. Он приоткрыл глаза и сощурился. Расплывчато-яркий свет сиял сквозь листву. Это смерть? Тогда почему так больно? Весь его левый бок пульсировал. Логен попытался глубоко вдохнуть, поперхнулся, выкашлял воду, выплюнул грязь. Простонал, перевернулся на четвереньки, вытащил себя из реки, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, и перекатился на спину — на мох, склизкий ил и гниющие сучья возле края воды. Какое-то время он лежал и смотрел вверх, в серое небо за черными ветвями; дыхание со свистом вырывалось из сорванного горла.

— Я еще жив, — прохрипел он самому себе.

Еще жив, несмотря на все старания природы, шанка, людей и зверей. Наквозь промокший, распластанный на спине, он засмеялся силным булькающим смехом. Хочешь сказать про Логена Девятипалого — скажи, что он умеет выживать.

Порыв холодного ветра пронесся над заболоченным речным берегом, и смех Логена медленно затих. Он выжил, да, но остаться в живых и дальше — это будет гораздо труднее. Он сел, морщась от боли, затем поднялся на непослушные ноги и оперся о ствол ближайшего дерева. Выскреб грязь из носа, глаз и ушей, а потом задрал мокрую рубашку, чтобы взглянуть на свои увечья.

Бок покрывали кровоподтеки от падения — все ребра в синих и лиловых пятнах. Болезненно, если дотронуться, но переломов нет. Нога представляла собой сплошное месиво, изодранная и кровоточащая после зубов шанка. Логен чувствовал сильную боль, но ступней можно было шевелить, а это главное. Ноги ему понадобятся, если он хочет выбраться отсюда.

Нож по-прежнему висел в ножнах на поясе, и Логен весьма этому обрадовался. Опыт подсказывал, что лишних ножей не бывает, а этот клинок был очень хорош. Тем не менее перспектива удручала: он в абсолютном одиночестве посреди лесов, кишачих плоскоголовыми, и даже понятия не имеет, где находится. Правда, можно пойти вдоль реки. Все реки здесь текли на север, с гор к холодному морю. Значит, надо идти по берегу к югу, против течения,

забираясь как можно выше — в Высокогорье, где шанка не смогут его найти. Это единственный шанс.

Там, наверху, будет холодно. Смертельно холодно. Логен глянул вниз, на свои босые ступни. Вот уж повезло так повезло: шанка подобрался к нему как раз в тот момент, когда он снял сапоги, чтобы срезать мозоли. Куртку он тоже сбросил, поскольку сидел возле костра. В таком виде и дня в горах не продержаться. За ночь руки и ноги почернеют от мороза, и Логен сгниет кусок за куском, прежде чем дойдет до перевалов. Если раньше не умрет от голода.

— Дерьмо... — пробормотал он.

Он должен вернуться к лагерю. Еще есть надежда, что плоскоголовые ушли оттуда и оставили после себя хоть что-то. Что-то, что поможет выжить. Слишком много надежд, да, но выбора нет. Впрочем, у Логена никогда не было выбора.

К тому времени, как он добрался до места, начался дождь. Под мелкими брызгами волосы прилипли к черепу, одежда промокла насквозь. Логен прижался к мшистому стволу и с бьющимся сердцем смотрел в сторону лагеря. Пальцы его правой руки до боли сжимали скользкую рукоять ножа.

Он увидел черный круг на том месте, где разводили костер, недогоревшие сучья и угли, втоптаннные в землю. Увидел большое бревно, на котором сидели Тридуба и Доу, когда пришли плоскоголовые. Увидел разбросанные по поляне обрывки и обломки их вещей. Увидел троих мертвых шанка: они валялись на земле, у одного из груди торчала стрела. Трое мертвецов и никаких признаков живых шанка. Это удача. Удача, которой хватает лишь на то, чтобы выжить — как обычно. Тем не менее враги могут вернуться в любой момент. Надо спешить.

Логен выскочил из-за деревьев, шаря взглядом по земле. Его сапоги по-прежнему стояли там, где он их оставил. Логен схватил их, принялся натягивать на окоченевшие ступни, прыгая на одной ноге, и чуть не поскользнулся в спешке. Куртка тоже обнаружилась на прежнем месте под бревном — потерянная и исцарапанная за десять лет войны и плохой погоды, многократно разорванная и залатанная, от одного рукава осталась лишь половина. Походная сумка лежала бесформенной кучей в кустах неподалеку, ее содержимое было разбросано по склону. Логен принялся собирать и заталкивать вещи обратно, пригнувшись и затаив дыхание: моток веревки, старая глиняная трубка, несколько полосок вяленого мяса, игла с бечевкой, помятая фляжка, в которой еще булькали остатки жидкости. Все полезное. Все пригодится.

За ветку куста зацепилось изорванное одеяло, мокрое и покрытое вьезшейся грязью. Логен сдернул его и сразу расплылся в ухмылке: внизу валялся старый потрепанный походный котелок — возможно, кто-то пнул его ногой во время схватки, так что посудина откатилась от костра. Логен обеими руками схватил котелок. Надежный, знакомый, помятый и почерневший за годы безжалостного использования, он сопровождал Логена через все войны, по всему Северу и обратно. В нем варили пищу на привалах и вместе ели из него — Форли, Молчун, Ищейка...

Логен снова осмотрел место стоянки. Трое мертвых шанка, но никого из его людей. Может, они где-то рядом? Быть может, если он рискнет поискать их...

– Нет.

Логен сказал это тихо, вполголоса. Он знал, чем дело пахнет. Здесь полно плоскоголовых, чертова уйма врагов. Он понятия не имел, сколько провалялся на берегу реки. Даже если кому-то из парней и удалось удрать, шанка наверняка погнались следом, прочесывая лес. И сейчас все люди Логена наверняка мертвы, а их трупы разбросаны по горным долинам. Ему остается одно: отправиться в горы, пытаясь спасти собственную жалкую жизнь. Надо смотреть правде в глаза, какую бы боль это ни причиняло.

– Теперь нас только двое, ты и я, – сказал Логен, засовывая котелок в походную сумку и забрасывая ее за плечо.

Он похромал прочь так быстро, как только мог. Вверх по склону, по направлению к реке и горам.

Лишь двое из всех. Логен и его котелок. Выжили только они.

ВОПРОСЫ

«Зачем я делаю это?» – в тысячный раз спрашивал себя инквизитор Глокта, хромая вдоль коридора.

Стены были оштукатурены и выбелены; впрочем, довольно давно. Все обветшало и пропиталось запахом сырости. Здесь не было окон, поскольку проход располагался глубоко под землей, и светильники отбрасывали медленно покачивающиеся тени.

«Кто бы вообще захотел делать это?»

Шаги Глокты выбивали устойчивый ритм по замызганным половым плиткам. Сначала уверенный щелчок правого каблука, потом клацанье трости об пол, затем долгое подтаскивание левой ноги, сопровождающееся знакомой пронизывающей болью в щиколотке, колене, копчике и спине. Щелк, клац, боль – таков был ритм его шагов.

Грязное однообразие стен коридора время от времени нарушали массивные двери, окованные и проклепанные рябым от ржавчины железом. Из-за одной вдруг донесся приглушенный крик боли.

«Интересно, что за бедолагу допрашивают здесь? В каком преступлении он виновен или неповинен? Какие тайны раскрываются, какие попытки солгать пресекаются, какие измены всплывают на поверхность?»

Впрочем, Глокта недолго думал над этим. Его размышления прервала лестница.

Если бы Глокте представилась возможность подвергнуть пыткам некоего конкретного человека, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя лестниц. Когда он был молод и вызывал всеобщее восхищение – до того, как на него свалились все эти несчастья, – он лестниц и вовсе не замечал. Слетал по ним вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и беспечно шел дальше по своим делам. Больше так не будет никогда.

«Они повсюду. Без лестницы с этажа на этаж никак не переберешься. И спуститься куда тяжелее, чем подниматься, вот чего никто не понимает. Когда поднимаешься, лететь вниз всяко меньше».

Он хорошо знал этот пролет. Шестнадцать ступенек из гладкого камня, немного истертые посередине и слегка влажные, как и все здесь внизу. Перил не было, ухватиться не за что.

«Шестнадцать врагов. Серьезный вызов».

Глокта потратил много времени, чтобы разработать наименее болезненный способ спускаться по лестнице. Он двигался боком, словно краб: сначала трость, затем левая нога, после правая. Это было куда мучительнее, чем при обычной ходьбе, когда левая нога принимала на себя вес тела. Ведь сейчас добавлялась еще и настойчивая пронзительная боль в шее.

«Почему у меня так болит шея, когда я спускаюсь по лестнице? Не на шею же я опираюсь?»

Однако боль была тут как тут.

Глокта приостановился, когда до низа оставалось четыре ступеньки. Он почти победил лестницу. Его рука дрожала на рукоятке трости, левая нога горела огнем. Он провел языком по деснам — там, где раньше были передние зубы, — набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг. Лодыжка вывернулась с устрашающим хрустом, и он нырнул вперед, в воздух, изгибаясь, крелясь, переполняясь ужасом и отчаянием. Как пьяный, он неловко шагнул на следующую ступеньку, скребя ногтями гладкую стену и подвывая от ужаса.

«Проклятый идиот!»

Трость загрелась по полу, слабые ноги боролись с каменными ступенями. Наконец он очутился у подножия лестницы, каким-то чудом сохранив равновесие.

«И — вот она. Эта ужасная, восхитительная, бесконечная секунда между мгновением, когда ты споткнулся, и мгновением, когда придет боль. Скоро ли я почувствую боль? Насколько сильной она будет?»

Хватая воздух безвольно раскрытым ртом, Глокта стоял у подножия лестницы и ощущал дрожь предвкушения.

«Вот, сейчас...»

Мучение было невыразимым — раздирающая тело судорога вдоль всего левого бока, от ступни до челюсти. Он плотно зажмурил наполнившиеся слезами глаза, прижал правую руку ко рту с такой силой, что хрустнули костяшки, сомкнул челюсти так, что оставшиеся зубы заскрежетали друг о друга, однако все равно не смог удержать рвущийся изнутри тонкий, пронзительный вой.

«Кричу я или смеюсь? Можно ли понять разницу?»

Он с трудом дышал через нос, сопли пузырились, заливая руку, скорчившееся тело содрогалось от усилия выпрямиться.

Судорога прошла. Глокта произвел несколько осторожных движений, проверяя свое тело. Нога горела огнем, ступня онемела, шея щелкала при каждом повороте головы, стреляя вниз по позвоночнику злобными маленькими уколами.

«Неплохо. Могло быть и хуже».

Он с усилием наклонился и подобрал трость, ухватив ее между двумя пальцами, снова выпрямился, вытер сопли и слезы тыльной стороной ладони.

«Захватывающее переживание. Понравилось ли мне оно? Для большинства людей лестница — обыденная вещь, для меня же — целое приключение».

Он похромал по коридору, тихо посмеиваясь. На его лице все еще играла слабая улыбка, когда он добрался до нужной двери и проковылял через порог.

Неуютная белая коробка с двумя дверями напротив друг друга. Потолок слишком низкий, а пылающие светильники освещают комнату слишком ярко. Из одного угла ползла сырость, и штукатурка в том месте вздулась облезающими пузырями, присыпанными черной плесенью. Кто-то когда-то пытался отскоблить продолговатое кровавое пятно на одной из стен, но, очевидно, приложил недостаточно усердия.

Практик Иней стоял на другом конце комнаты, сложив могучие руки на могучей груди. Он приветствовал Глокту кивком, выказав не больше эмоций, чем каменный валун, и Глокта кивнул в ответ. Их разделял привинченный к полу деревянный стол, усеянный зарубками и пятнами, с двумя стульями по бокам. На одном из стульев сидел голый жирный человек с коричневым холщовым мешком на голове и крепко связанными за спиной руками. Тишину нарушал единственный звук — сбивчивое приглушенное дыхание. Здесь, внизу, было холодно, но толстяк обливался потом.

«Так и должно быть».

Хромая, Глокта подошел ко второму стулу. Аккуратно прислонил трость к краю столешницы и медленно, осторожно, болезненно опустился на сиденье. Он вытянул шею влево, потом вправо и, наконец, позволил телу расслабиться, приняв почти удобное положение. Если бы Глокте представилась возможность пожать руку некоему конкретному человеку, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя стульев. «Он сделал мою жизнь почти сносной».

Иней молча шагнул из своего угла к привязанному человеку и взялся за угол мешка, зажав его между бледными толстыми пальцами — большим и указательным. Глокта кивнул, и практик сорвал мешок, открывая лицо Салема Реуса. От яркого света тот принялся часто моргать.

«Подлое, мерзкое свиное рыло. Ты гадкая свинья, Реус. Отвратительный хряк. Ты готов сознаться прямо сейчас, могу поручиться — готов говорить и говорить без остановки, пока нас всех не затошнит».

На скуле Реуса темнел большой кровоподтек, и еще один виднелся на челюсти, прямо над двойным подбородком. Когда слезящиеся глаза Салема привыкли к резкому свету, он узнал Глокту, сидящего напротив, и лицо его вдруг озарилось надеждой.

«Тщетной, напрасной надеждой».

— Глокта, ты должен помочь мне! — завопил Реус, наклоняясь вперед, насколько позволяли веревки; слова извергались из его рта отчаянной нечленораздельной массой. — Меня ложно обвинили, ты знаешь это. Я невиновен! Ты ведь пришел помочь мне, правда? Ты же мой друг! Ты обладаешь влиянием. Мы с тобой друзья, друзья! Ты можешь замолвить за меня словечко! Я ни в чем не виновен, меня оболгали! Я...

Глокта поднял руку, призывая к молчанию. Мгновение он рассматривал знакомое лицо Реуса, словно никогда прежде его не видел. Затем повернулся к Инею.

— Очевидно, я должен знать этого человека?

Альбинос не ответил. Нижнюю часть его лица скрывала маска, а верхняя половина не выражала ровным счетом ничего. Он остановившимся взглядом смотрел на пленника, сидящего на стуле, и его розовые глаза были мертвыми, как у трупа. С тех пор как Глокта вошел в комнату, Иней не моргнул ни разу.

«Как у него это получается?»

— Да это же я! Я, Реус! — сипел толстяк. Его тонкий голос становился все выше, срываясь в панику. — Салем Реус, ты ведь знаешь меня, Глокта! Мы с тобой вместе воевали, пока ты не... ну, ты понимаешь... Мы были друзьями! Мы...

Глокта снова поднял руку и откинулся на спинку стула, словно в глубоком раздумье постукивая ногтем по одному из последних своих зубов.

— Реус... Это имя мне знакомо. Купец, член гильдии торговцев шелком. Человек, по общему мнению, богатый. Да-да, теперь припоминаю... — Глокта наклонился вперед и сделал паузу для пушного эффекта. — Он оказался изменником. Реуса забрала инквизиция, а его имущество конфисковали. Видишь ли, он замыслил уклониться от королевских налогов.

Реус разинул рот.

— От королевских налогов! — возопил Глокта, врезав ладонью по столешнице.

Толстяк смотрел на него во все глаза, нервно щупая языком зуб.

«Верхний ряд, правая сторона, второй сзади».

— Но мы забыли о манерах, — заявил Глокта, обращаясь в пространство. — Возможно, прежде мы с тобой и были знакомы, но моему помощнику ты наверняка не был представлен. Практик Иней, поздоровайся с этим толстяком.

Удар вышел не сильный — скорее шлепок, — но достаточно мощный, чтобы Реус слетел со своего сиденья. Стул заплясал на месте, но не сдвинулся.

«Вот как он это делает? Сбить человека со стула так, чтобы сам стул остался стоять?..»

Реус издал булькающий звук и распростерся по полу, прижав лицо к плиткам.

— Он напоминает мне выброшенного на берег кита, — произнес Глокта с отсутствующим видом.

Альбинос схватил Реуса под руку, подтянул вверх и швырнул обратно на стул. Из ссадины на щеке толстяка сочилась кровь, зато его свиные глазки теперь смотрели твердо.

«Большинство людей от побоев сразу плывут, но кое-кто, наоборот, ожесточается. Никогда бы не подумал, что этот слизняк способен на твердость. Однако жизнь полна сюрпризов».

Реус сплюнул кровью на стол.

— Ты зашел слишком далеко, Глокта, о да, слишком далеко! Торговцы шелком — уважаемая гильдия, они пользуются влиянием! И не станут мириться с подобным! Я известный человек! Быть может, прямо сейчас моя жена пишет прошение королю, дабы он выслушал мое дело!

— Ах да, твоя жена... — Глокта печально улыбнулся. — Твоя жена очень красивая женщина. Красивая и молодая. Боюсь, слишком молодая для тебя. Боюсь, она с радостью воспользовалась удобным случаем, чтобы избавиться от такого муженька. Боюсь, она сама, лично передала нам на изучение твой счет. Все до единого.